

Добрая книга о любви
между кошкой и человеком,
о той особенной связи,
которая остается
между нами навсегда.

Зоя ЯРОВИЦЫНА

Счастливый хвост ~ счастливый я!

Рассказы о котах и кошках

В ПОДДЕРЖКУ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО
ФОНДА

СЧАСТЛИВЫЙ
ХВОСТ ПРИЮТ
ДЛЯ КОШЕК.

Люди, которые всегда со мной (подарочная)

Елена Холмогорова

Счастливый хвост – счастливый я!

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Холмогорова Е. С.

Счастливым хвост – счастливый я! / Е. С. Холмогорова —
«Издательство АСТ», 2026 — (Люди, которые всегда со мной
(подарочная))

ISBN 978-5-17-180614-9

Однажды в кошачьем приюте «Счастливым хвост» обвалился потолок... А потом начались бесконечные траты на аренду помещения, транспорт, лекарства. И стало понятно, что без стабильной помощи, покрывающей хотя бы часть этих расходов, не обойтись. Так родилась идея проекта — сборник рассказов, средства от продаж которого помогут приюту чувствовать себя увереннее. Однако эта книга — больше чем литературно-благотворительный проект. Это двадцать добрых рассказов современных российских авторов о котах и кошках: от психологической прозы до магического реализма, от счастливых историй с добрым концом до трогательных воспоминаний о любимых питомцах. В каждом рассказе вы найдете множество причин, по которым коты и кошки делают нашу жизнь лучше. Этот сборник — замечательный подарок любителям кошек и уютного чтения. А для котиков из приюта «Счастливым хвост» каждая купленная книга — шаг к миске с едой, теплоте дому и к своему человеку.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-180614-9

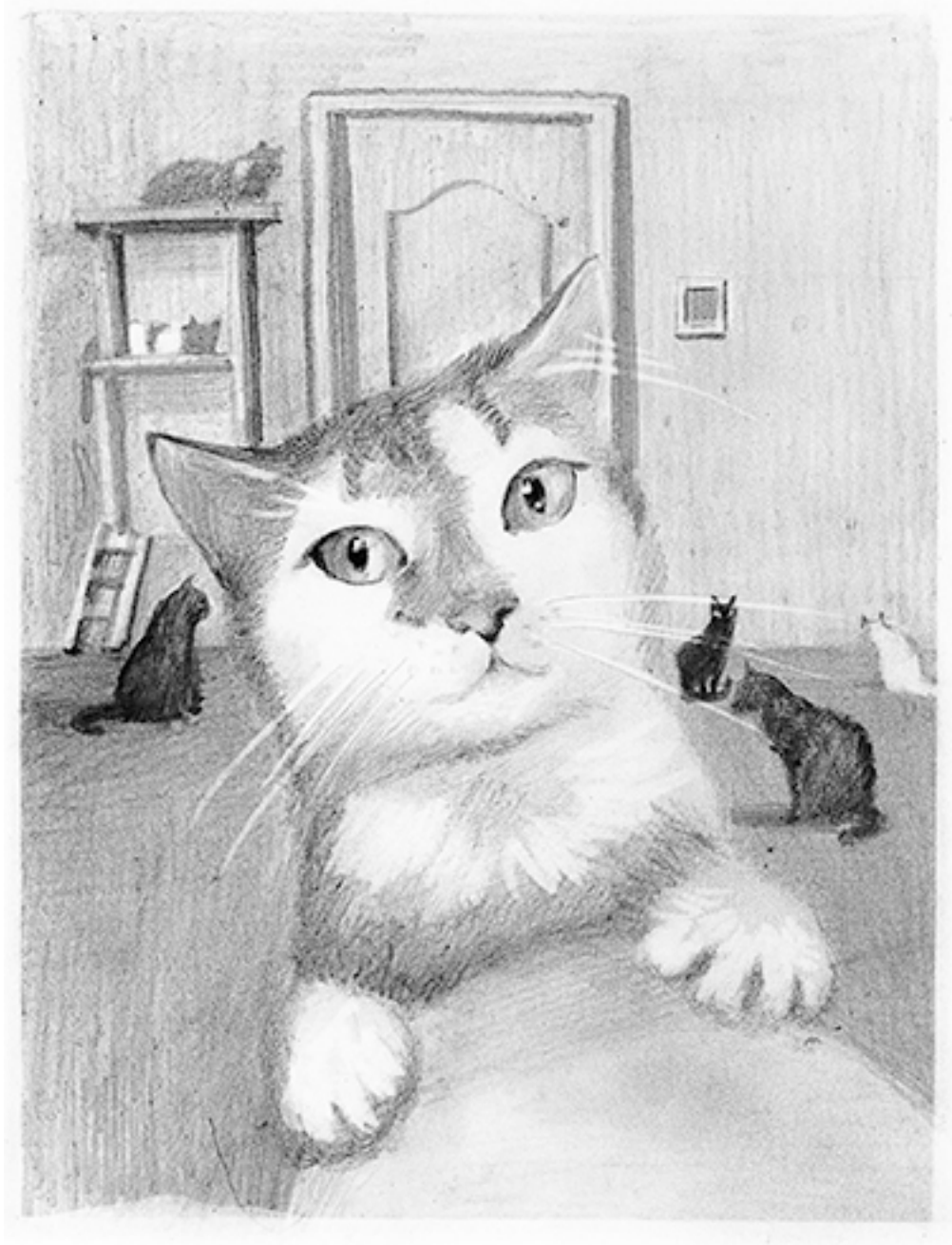
© Холмогорова Е. С., 2026

© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Предисловие: счастливый хвост на книжной полке	7
Анна Безукладникова. Счастье не за горами	15
Катя Тюхай. Кошкин дом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Предисловие: счастливый хвост на книжной полке

Однажды в нашем кошачьем приюте рухнул потолок. Не сам. Кошки его обрушили. Одна каким-то образом залезла, потом других научила, трусливые забились туда и не смогли выбраться, натяжной потолок не выдержал и стал падать частями, прямо на головы сотрудников. В течение месяца это стало кошмаром для всех, и силы были не равны. Но именно этот случай послужил точкой отсчета для этого сборника рассказов, однако обо всем по порядку!

Меня зовут Ия Эсаулова, и я мама кошачьего приюта «Счастливым хвост» в городе Пермь. С самого детства я любила животных: тащила домой уличных кошек и собак, ревела часами, уговаривая маму оставить нам очередного несчастного. Когда переехала от родителей, тут же подобрала кошку, собаку, потом еще и еще. Стала волонтером в приюте и взяла под опеку несколько вольеров с собаками. Когда в моей однушке стало тесно, решила, что надо бы

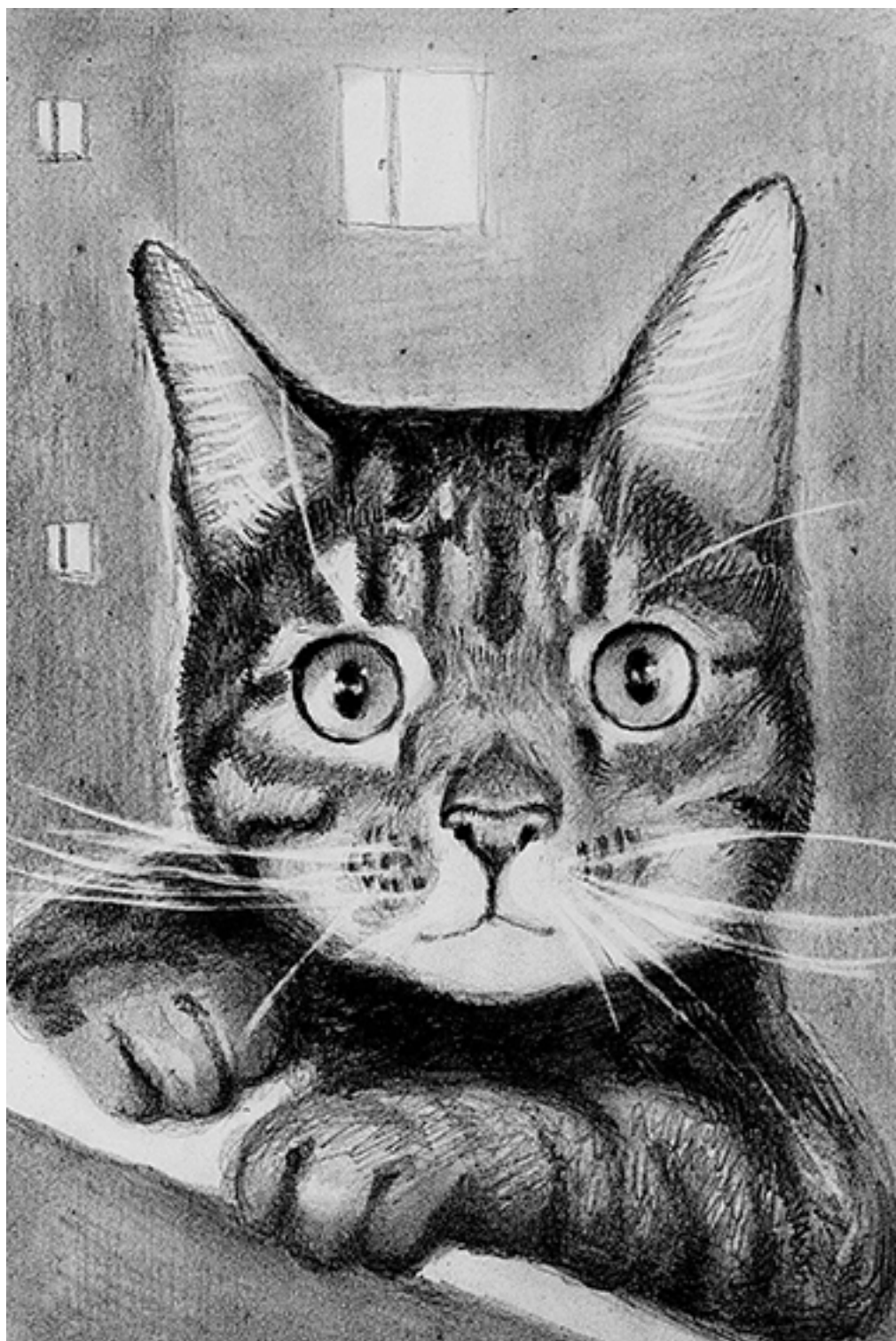
нам переехать в дом. С постройки дома за чертой города и начался настоящий приют. Сначала в доме было десять котиков, потом двадцать, потом тридцать, а затем на территории участка удалось построить домик, вмещающий уже сто котов! Как хватает на все времени? Не знаю, главное – все получается. Тут нужно добавить, что у меня счастливый брак, чудесный сын, в общем, полноценная интересная жизнь, просто работа в приюте делает ее еще лучше.

Итак, в 2024 году мы переехали в город и арендовали двухэтажное помещение – это почти двести квадратных метров для размещения котиков, медицинский кабинет и три изолятора. Все коты и кошки выдаются стерилизованными, обработанными и привитыми. Также у нас есть «детский сад» – это комната в квартире, которую мы оплачиваем, и там содержатся котята.

На сегодняшний день в приюте уже больше ста пятидесяти котиков с учетом того, что мы почти каждый день кого-то выдаем, кого-то принимаем. Коты и кошки попадают в приюты по разным причинам, далеко не всегда их подбирают волонтеры с улицы. Об этом я тоже хочу рассказать.

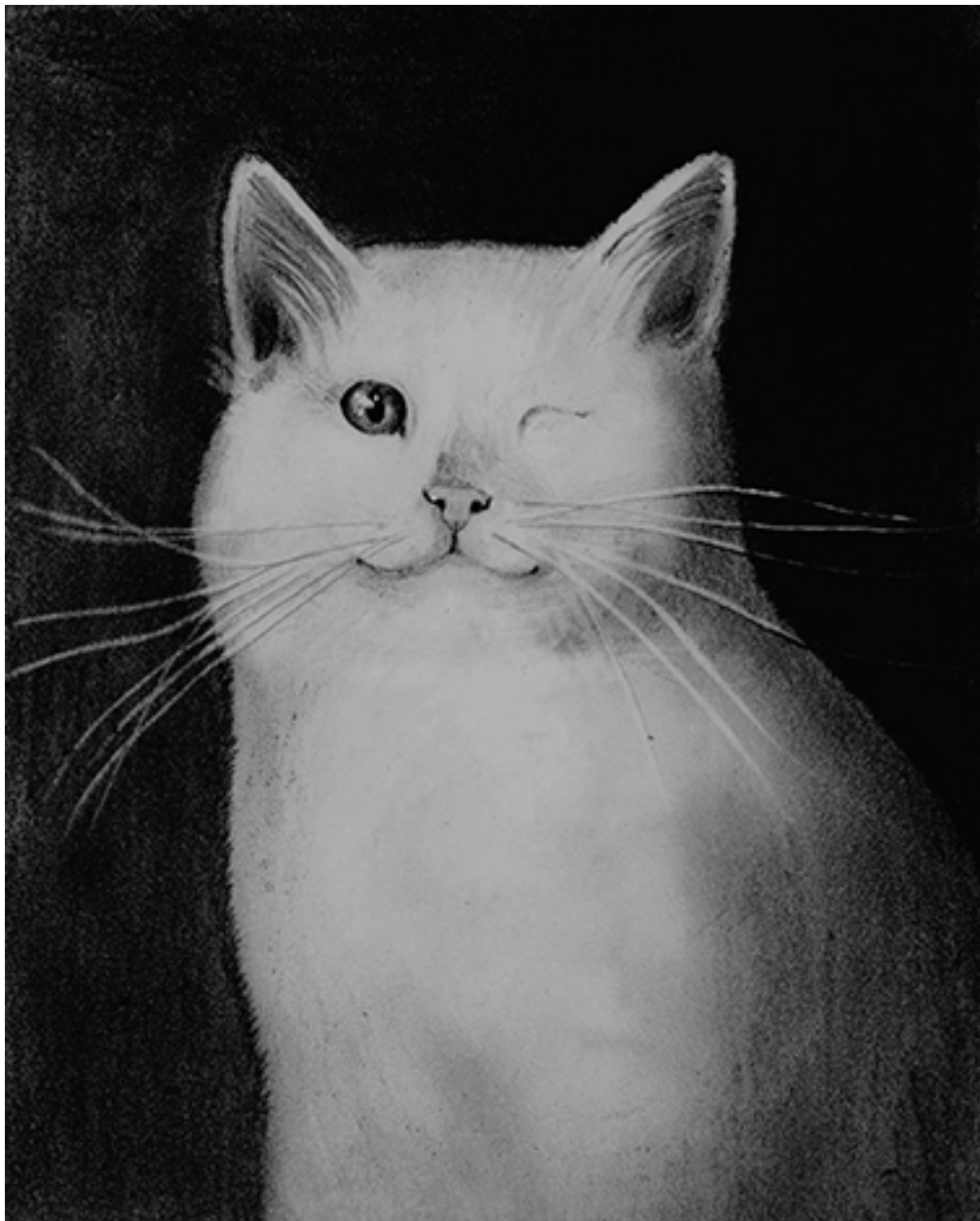

Начну с истории Таты. С этой кошки начался приют, она одной из первых попала в мой дом. Это белая пушистая кошка из маленького городка Пермского края. Там расселили барак – люди переехали в новую жизнь, в новые квартиры и посчитали, что их кошкам там не место. Тата приехала к нам как прародительница множества бездомных котиков. В приюте она быстро набрала большой вес, потому что еда была в доступе всегда, а изолировать ее мы не могли. Надо было что-то придумать, и наш волонтер Ирина взяла Тату на домашнюю передержку. Мы возили Тату на выставки, и как только подходили люди, чтобы познакомиться, Ирина сразу же появлялась из ниоткуда и начинала задавать хитрые вопросы, ей постоянно что-то не нравилось. Полтора года спустя она сказала, что хватит искать Тате хозяев, это ее кошка. Мы, конечно, это уже давно поняли. Тата прожила у Ирины счастливую домашнюю жизнь, и мы хотим сохранить о ней память. Толстая белая кошка сейчас на логотипе нашего приюта.

Следующая история про кота Лео, это породистый красивый кот. Он был куплен в питомнике и всю жизнь был любимым котом, а потом в семье начался разлад между хозяевами. И кота отдали в приют. Знаете, когда кошки попадают в приют с улицы, их жизнь становится лучше: появляется еда, забота и тепло, им становится хорошо. А когда в приют попадают домашние кошки, то им становится хуже. И, естественно, они переживают стресс, закрываются и начинают болеть. Так произошло и с Лео. Он сильно заболел: сначала поймал одну инфекцию, потом другую. Нам не удалось его спасти, хотя для него было собрано много денег, но

никакие деньги не спасут страдающее сердце. Он понял, что его бросили, он отчаялся, впал в депрессию и просто не захотел бороться.

Кота Ирбиса нашли на дачах. Когда заканчивается дачный сезон, потом остается очень много кошек. Шквал звонков в приют начинается как раз в начале осени. Ирбис, когда приехал к нам, был в шоке: защищался, не подпускал к себе ни котов, ни нас. Очень долго мы искали к нему подход. Затем он немножко оттаял, и мы стали замечать, что кот начал худеть. В итоге ему поставили две неизлечимые болезни: ВИК и лейкоз. Специально для него в общей комнате мы сделали отдельный бокс – ему нельзя общаться с другими кошками, потому что для них это опасно. Для людей, разумеется, нет. Ирбис вынужден сидеть один. Он полюбил людей и внимание, с радостью общается с человеком, он научился доверять. И хотя уже немолодому и одноглазому коту найти хозяина тяжело, Ирбис его очень ждет.

Гремлин – это малыш, который выбрался из страшной жизни. Наш приют известен тем, что мы за один раз можем спасти очень большое количество кошек, вывезти их откуда-то и т. д. Например, бывают люди с психическими расстройствами, которые устраивают у себя в квартирах буквально кошачьи тюрьмы. Подбирают кошек, те голодают, плодятся, болеют, умирают. Там плохо и котам, и людям – им всем нужна помощь. Гремлин из такой квартиры. Когда я туда приехала, первым меня встретил вот этот маленький котенок. Он был жутко истощен, один глаз у него болел. Он усердно мяукал, заполз ко мне на руки и всем своим видом заявлял, что хочет оттуда выбраться. Так и получилось. В итоге мы смогли спасти почти всех кошек. И пока готовился сборник рассказов, малышу Гремлину удалось найти дом!

И наконец, Бусинка. Эту красавицу-кошку привезли с завода. К нам обратились заводчане, рассказали, что на территории живут никому ненужные кошки. Были те, кто их подкармливал, другие – были против кошек, люди просили помочь и забрать тех, кого можно спасти. Бусинка приехала к нам с большой партией хвостатых с этого завода. Она до сих пор нелюдима, наверное, поэтому она у нас уже года три. Бусинка очень харизматичная, но пока так и не научилась доверять человеку, не знает, как это – быть домашней кошкой. И хотя найти ей дом крайне тяжело, Бусинка не сдаётся и тоже очень ждёт своих хозяев.

Эти пять историй показывают частые причины появления в приюте кошек. Конечно, причин гораздо больше, например, часто отказываются от домашних питомцев из-за появившейся аллергии. Такое тоже бывает.

А помощь приютам очень важна и нужна. Помощь не бывает маленькой или большой, но бывает, что ее нет либо она есть. И каждый человек помогает так, как может. Кто-то ежемесячно и стабильно перечисляет пожертвования – мы можем на них рассчитывать и понимать, что эта помощь точно будет. Некоторые берут у нас котиков на передержку либо на социализацию. Кто-то приезжает в приют и помогает с уборкой либо с уходом за животными. Помогают с транспортом. Предлагают проводить в приюте мастер-классы, йогу или выставку. Кроме того, каждому хозяину котика важно понимать, что стерилизация питомца – это не только забота о его здоровье, но тоже большая помощь приютам.

А как появился этот сборник? Я начала с того, что однажды в арендованном помещении обвалился потолок. Мы объявили сбор денежных средств, и друг нашего приюта писательница Аня Безукладникова вместе с литературным редактором Марией Головей придумали, как можно поддержать нас финансово. Они решили собрать для нас эту книгу, чтобы средства от ее продаж могли помочь приюту. В этом сборнике – что очень ценно и важно – только счастливые и добрые истории от талантливых писателей и писательниц. Я участвовала в его составлении, с удовольствием прочитала все рассказы и надеюсь, что вам они тоже понравятся! Читая нашу книгу и рассказывая о ней друзьям, вы тоже очень помогаете, большое вам за это спасибо!

*Ия Эсаулова, хозяйка приюта, президент благотворительного фонда
«Счастливый хвост»*

Анна Безукладникова. Счастье не за горами

Так же как город, в котором мы живем, рассказывает что-то о нас, так и мы сами незаметно становимся частью его большой истории. Каждый вечер Марьяна, закрывая дверь на ключ, садится на крыльцо и смотрит, как мимо ее букинистического магазинчика дребезжит трамвай номер пять – старенький, ржаво-красного цвета. Трамвай этот едет через весь центр, делает очередную остановку в десяти метрах от Марьяны и высаживает людей возле небольшого торгового центра, рядом с которым – кофейня.

Марьяна дожидается, когда трамвай скроется за углом, и перебегает рельсы, торопится в кофейню, чтобы выпить терпкий горячий шоколад, его варит молодой студент, чьего имени она до сих пор не знает. У него хорошие глаза и много татуировок. За барной стойкой почти всегда стоит он, реже – женщина с высветленными волосами, и, хотя внешне они очень похожи, женщина нравится Марьяне чуточку меньше.

Марьяна покупает шоколад и еще овсяное печенье, половинку которого размачивает в стаканчике и съедает тут же, а остатки крошит на улице, угощая и без того толстых пермских голубей. Потом она идет домой, всегда пешком – ей нравится гулять, особенно весной,

когда расцветает ароматная сирень и ею не надышаться. В контрастном центре города уютно – купеческая архитектура сохранила благородное величие, на ее фоне современная застройка не выпячивается совсем. Марьяна заходит домой, принося с собой запах старых книг и свежей сирени, заваривает лапшу быстрого приготовления – пакетики с маслом и специями выбрасывает – наливает сладкий черный чай и устраивается за ноутбуком, чтобы до поздней ночи сидеть в социальных сетях – писать посты, отвечать на комментарии, оставлять отзывы о книгах. А потом еще немного читает перед сном.

Букинистический магазинчик достался ей от отца.

Крохотное помещение в торце трехэтажки, которое делилось на три части. В первой, куда случайный прохожий попадал сначала, пестрели открытки с видами на Каму, панорамами города, граффити. А еще сувениры и прочая туристическая дребедень, за счет которой и выживал магазинчик.

Марьяна больше любила его вторую часть, которую занимали стеллажи до потолка – там пылились старые книги, которые отец когда-то выменивал или скупал по дешевке: собрания сочинений классиков, научная фантастика, переводная литература, советский самиздат и множество сокровищ, мало кому понятных и интересных, кроме самой Марьяны. Когда редкий покупатель или дотошная пенсионерка из квартиры сверху не отвлекали ее, она возилась среди полок, выискивая чтение себе по душе, просматривая страницы книг, чтобы потом к ним вернуться, когда будет время.

Дотошная пенсионерка из квартиры сверху не любила книжный магазинчик. Давным-давно ей не понравилась приобретенная брошюра «Сто рецептов из кабачка», и она требовала вернуть за нее деньги. Но отец Марьяны пошел на принцип и отказался – из-за многочисленных пометок и исправлений на полях издания, сделанных шариковой ручкой. Вызванный участковый встал на сторону отца, чем окончательно положил начало конфликту, растянувшемуся на долгие годы.

Марьяна привыкла к этой соседской нелюбви, более того – научилась с ней сосуществовать. И поэтому не обращала внимания на то, как часто на крыльце лежал мусорный мешок, набитый упаковками от яиц, консервными банками и пустыми пакетиками из-под кошачьего корма. Осенью на крыльце также находились гнилые кабачки как символ неразрешимой вражды.

В третьей части магазинчика были огромные стопки неразобранного и неотсортированного, а еще маленькое кресло и окно во двор. Из окна был вид: кусты сирени, стена соседнего дома и больше ничего. А еще множество голубей, воробьев и скворцов. По утрам, если открыть окно настежь, можно было слушать щебет птиц, Марьяна любила их перепевы, словно эта музыка была настроена на ее внутреннюю частоту и ритм.

Однажды утром, она, как обычно, открыла окно.

Шел дождь, воздух был свежий и, как всегда весной, цветочно-сладкий. Марьяна проверила кассу – хватает ли чековой ленты – ее было очень много, и вдруг услышала: «Мрррр-ррр». А потом еще раз: «Мр-рр-мррр».

За книжными стопками сидела кошка. Самая обычная и одновременно необычная кошка – трехцветная. И было понятно, что это совсем не кот. Марьяна присела и протянула ей руку. Кошка тут же доверительно ее боднула и замурчала сильнее.

– Как ты здесь оказалась? – самым ласковым голосом на свете спросила Марьяна и нашла ответ сама.

Видимо, кошка забралась сюда, чтобы спрятаться от дождя. И как только он немного утих, кошка запрыгнула на подоконник и затем аккуратно спустилась в кусты. «Надо же», –

подумала Марьяна. Днем она снова обнаружила кошку, на этот раз – спящей в кресле. Кончики ее усов дрожали.

Вскоре кошка начала приходить регулярно. Ей нравилось сидеть на подоконнике и вертеть головой в разные стороны, наблюдая за воробушками. Из всего сложного птичьего мироустройства двора больше всего кошку привлекали именно они. И, видимо, когда ей приходило в голову, что нет ничего на свете вкуснее кусочка сосиски, которую Марьяна брала себе на обед, кошка терлась о ноги, выразительно мяукала и топталась, а заполучив угощение, довольно потягивалась и засыпала.

Кошка чувствовала себя в магазинчике хозяйкой – она деловито прогуливалась по комнатам, забиралась на кассу, чтобы умыться и привести себя в порядок. И пока Марьяна общалась с покупателями, кошка сидела рядом, но каждый раз перед закрытием она уходила по своим делам.

О том, что в магазин собирается прийти прокурор, Марьяна узнала случайно. Бумажку с предостережением она не увидела в куче разноцветных рекламных буклетов и конвертов со счетами за коммунальные услуги и случайно заметила ее, когда собралась перед выходом выгрести все из почтового ящика на выброс.

«Проверка соблюдения санитарных норм... 19.05 в 10:00...»

Вчера было восемнадцатое, значит, прокурор придет уже сегодня!

Марьяна тряслась в трамвае – пешком не успела бы прийти пораньше – и подогретые весенним солнцем испуганные мысли слетались к ней в голову, как голуби на овсяное печенье.

Из чего состоит классический прокурор?

Из фирменного темно-синего обмундирования, кожаной папки с документами и в меру чистых ботинок. Из стабильной общественно значимой работы, которую он делает с большой ответственностью и аккуратностью, изучая обращения граждан и составляя строгие, правомерные, не лишённые вежливости ответы.

Прокурор был именно таким, а еще самоуверенным на работе и робким в личной жизни, у него были маленькие грустные глаза, и он рано начал лысеть. Ему было почти тридцать семь, и он никогда не был женат. Из дома он уходил рано утром и возвращался поздно вечером, поэтому не решался даже завести кота.

Приходя домой, он сидел на кухне, глядя маленькими грустными глазами в окно на набережную Камы. Красные буквы обещали ему, что счастье не за горами. Потом закатное солнце ломилось к нему в окно, а прокурор не пускал – завешивал плотно шторами. И ложился спать, говоря себе, что из-за ответственной должности на любовь у него совсем нет времени. Раз в неделю по субботам он убеждает в этом же свою бабушку по телефону.

– Придунок, – обычно отвечает ему бабушка, наверно, единственная в Закамске, кто может себе позволить так разговаривать с прокурором.

В это утро прокурору нужно было съездить в букинистический магазин, на который пришла жалоба от женщины сорок девятого года рождения, проживающей над магазином. Он добрался быстро и стоял у входной двери, рассматривая облезлую вывеску, и не заходил внутрь до тех пор, пока его часы не показали десять утра. За кассой никого не было.

В магазинчике прокурор почувствовал себя великаном. Он осмотрел потолки, полки с сувенирами и открытками. Громко вздохнул. И уточнил:

– Есть кто-нибудь?

Откуда-то появилась девушка с взволнованным лицом. Она сказала, что прямо сейчас в соседней комнате у нее рождает кошка, и если это считается нарушением санитарных норм, то она готова заплатить штраф или даже сесть в тюрьму, но пусть все это случится потом – сейчас ей нужна картонная коробка и теплая вода.

Студент, подрабатывающий бариста в кофейне матери, удивился, когда в дверях появился прокурор. От неожиданности студент даже вылил клиенту в кофе чуть больше сливок и орехового сиропа, чем было нужно. На всякий случай он приосанился и опустил рукава рубашки, спрятав фривольные татуировки на руках.

Хотя почему обязательно должно было что-то случиться?

Может быть, прокурор мог просто захотеть выпить капучино? Но нет, ему потребовалась теплая вода и картонная коробка. В подсобке было их, к счастью, предостаточно.

Студент потом долго вспоминал эту историю, а когда рассказал о ней матери, она на всякий случай проверила наличие медкнижек у персонала, исправность огнетушителя и сроки годности продуктов в холодильнике.

Все было в порядке, но... Знаете ли.

Трамвай номер пять, дребезжа и звеня, проехал очередной раз мимо букинистического магазинчика, в котором рожала трехцветная уставшая кошка. И когда на свет появился черный котенок, Марьяна от радости обняла прокурора.

А прокурор потянулся к уставшей кошке, и она не только позволила себя погладить, но даже, мгновение поколебавшись, тихонечко заурчала. Прокурор наклонился и поцеловал кошку между ушек. Та сразу же потянула свои лапы к прокурорскому сердцу. И не думая о том, что он говорит и делает – так бывает в минуты особенных душевных порывов, – прокурор сказал, что давно мечтал о черном коте.

Когда в магазинчик забежала взволнованная пенсионерка, прокурор заполнял отчет, а кошка вылизывала котенка в коробке.

– Ах вот ты где, Тусенька! – радостно выдохнула пенсионерка. – А я весь район оббежала, пока тебя искала, всех на уши подняла. Последнее место осталось, и надо же, тут! Что у вас такое происходит?

– Ваша Туся сегодня родила котенка, – сказала Марьяна.

– Роды прошли успешно, – не поднимая головы, сказал прокурор. – Котенок черного цвета в количестве одна штука. Я его себе заберу для дальнейшей счастливой жизни.

– Спасибо вам огромное, – растрогалась пенсионерка.

– Она часто сюда забегает, – улыбнулась Марьяна.

Кошка мурчала. Прокурор на нее отвлекался.

– Дома орет, – задумчиво сказала пенсионерка. – Просит пустить гулять. Слушайте, если бы я раньше знала, что Тусеньке здесь нравится, то давно бы мириться пришла.

Пенсионерка обернулась к прокурору:

– Если вы по моей жалобе сюда приехали, так я ее отменяю. Я на самом деле все это не серьезно. Я пошутила.

– Вам заняться больше нечем? – строго спросил прокурор.

– Скучно на пенсии, – ответила она.

– Займитесь чем-нибудь, – сказал прокурор. – Вы, значит, бегать любите? Это хорошо, это полезно для здоровья. Забеги по всему миру проходят, участвуйте и отчитывайтесь регулярно. В письменном виде.

Разумеется, немногим позже прокурор закончит нужную для работы бумагу и возьмет с Марьяны подпись «там, где галочка», а потом беседа быстро перепрыгнет на другую тему. Марьяна начнет смущенно улыбаться, и прокурор будет смотреть на нее иначе, чем на просто девушку.

Спустя несколько долгих дней, придя субботним вечером с разными людьми в одно и то же место – цветущий сквер возле театра оперы и балета, они улыбнутся друг другу как хорошие знакомые и немного поговорят – как поживает котенок и когда его уже можно забрать,

как дела в магазинчике, – будет в этом какое-то неловкое удовольствие и искренний интерес. Марьяна удивится, что прокурор в обыкновенной жизни носит толстовку и джинсы, а прокурор подумает, что надо бы пригласить Марьяну на свидание.

– Наконец-то, – радостно поддержит его вечернюю новость бабушка и решит по этому поводу испечь яблочный пирог, который так сильно любит ее внук.

Хозяйка кофейни до сих пор тщательно следит за порядком – ее жизненный опыт не дал отпустить ситуацию, она предпочитала жить «начеку». Ее сын сдал сессию на отлично и придумал новый сливочно-ореховый кофе, обязательно попробуйте его, если окажетесь в Перми: надо сесть на трамвай номер пять и выйти на остановке возле букинистического магазинчика.

Если у вас найдется время – загляните и туда, скорее всего, найдете там трехцветную кошку, которая обычно лежит на прилавке и разрешает себя погладить. Ее пожилая хозяйка известна тем, что участвует в забегах и марафонах по всему миру. И отовсюду шлет фотографии, которые вы увидите здесь же, в магазинчике, на пробковой доске.

А Марьяна с прокурором живут своей самой уютной жизнью и даже не догадываются, что счастье их семьи в освещенном окне, на котором черный котик дерет шторы, стало еще одной городской историей, которая могла бы даже называться легендой, если бы только все это не могло случиться на самом деле.

Катя Тюхай. Кошкин дом

1.

– Дед, как думаешь, что теперь будет?

– Не начинай. Ничего они не сделают, по закону это наша земля. Лучше хлеба принеси.

Даня поджала губы, бросила ложку в почти пустую тарелку – со дна, сквозь суп с протертой курицей, светились голубые незабудки – и пошла на кухню. Пока гремела шкафами, Шалфей сделал несколько восьмерок вокруг ее ног. Она чихнула, закашлялась, сунула руку в карман за баллончиком-ингалятором.

Кот вальяжно прыгнул на стол.

– А ну, кыш! Куда залез, зараза!

– Шалфея не трожь! Кому сказал! Иринка за ним вернется! – загремело из комнаты.

Кота когда-то и правда завела Иринка, мама Дани. Она была художницей и никого не любила, кроме Матисса и Ван Гога. Кот не значился в ее долгосрочных планах, он был, скорее, порывом, как и многое, что она делала в жизни.

Когда Иринка внезапно решила переехать в Италию, она лишь разразилась гневным постом в соцсетях, мол, чипирование и прививки – грабеж среди бела дня, а уж транспортировка кота за границу – и подавно, гребаные тысячи евро. Френды поохали в комментариях и надонатили сколько смогли, но то ли цена на транспортировку оказалась еще выше ожидаемой, то ли кот все-таки представлял небольшую ценность в мире высокого искусства и архитектурных биеннале – словом, мать осталась в Венеции с новым мужем, а Шалфей – в Москве. Дани тоже кое-что осталось с тех времен: аллергия, переросшая в астму, но от нее не помогали ни донаты, ни праведный гнев, ни то, что она исправно держала его при себе, а матери с тех пор перестала звонить. Та отвечала взаимностью.

Даня аккуратно подхватила кота под живот и вынесла из кухни, потом тщательно вымыла руки средством для мытья посуды с запахом химического яблока и стала тереть их вафельным полотенцем. Клеточки с него давно сошли.

– Да не вернется твоя Иринка.

Сказала она это как можно тише – не хотела, чтобы у деда поднялось давление, как обычно, когда они начинали говорить о матери. Подняться, чтобы отчитать Даню как следует, дед не мог – год лежал, прикованный к кровати после инсульта.

На той же кровати, похожей на кузов военного грузовика с несколькими продавленными матрасами, когда-то умерла Данина прабабка Галина – летним беззаботным днем, под дешевыми образами, тронутыми золотом. Теперь за углы икон цеплялись черно-белые фотографии дедовых бывших друзей – рыбаков, охотников, шоферов и моряков. Они пили и смеялись, подтягивались в белых майках на турниках, показывали в камеру огромных щук и гроздь тощих уток, вытягивали руки по швам; была даже фотография с чьих-то похорон – один лежал в гробу, остальные сгрудились рядом, но деда это абсолютно не смущало.

«Охотники на привале», – думала про них Даня, а солнце грело рыхлые карточки и зеленые обои между ними, изредка вспыхивая в узорах, что почти выгорели от времени. В других комнатах дома солнца почти не бывало – все перекрывали многоэтажки снаружи. Так, залетят иногда какие-то брызги света – и исчезнут, а стены после этого стонут, меркнут и только сильнее вырастают в невидимую землю под полом.

Внимательно глядя на трущую руки полотенцем Даню, Шалфей прокрался обратно в кухню, стянул со стола кружочек колбасы и, довольный урча, понес в угол.

– Хлеее-ба! – донеслось из дедовой комнаты.

Хлеб кончился, но сходить за ним в магазин Даня уже не успевала – через сорок минут урок в музыкалке, снова придет Егор в родинках и будет заваленными руками перебирать клавиши: «До, ре, ми, фа, соль, ля, си, тили-бом, тили-бом, загорелся кошкин дом!»

Дед застучал ложкой о тарелку – одна из немногих форм протеста, на которую он был способен.

– Невыносимо, – пробормотала Даня, не понимая до конца, кому это – Егору, деду или коту.

Вложила раструб ингалятора в рот, пытаясь достать как можно глубже, пшикнула, вдохнула-выдохнула – и пошла в комнату.

– Нету хлеба, – сказала Даня из-за изголовья кровати, предусмотрительно не подходя ближе. – Вечером куплю.

Дед резко метнул ложку за спину – та с грохотом приземлилась в углу прихожей, а Даня едва успела увернуться.

В глазах защипало. До болезни дед не был таким – наоборот, таскал в дом всякую мелочь вроде часов с кукушкой, музыкальных шкатулок, прошитых белым шпагатом нотных сборников с тиснением, мальков золотых рыбок, отростков экзотических растений с рынка «Садовод», губных гармошек, маленьких колокольчиков, томиков приключенческих романов с желтыми страницами и черно-белыми иллюстрациями – только чтобы Даня не думала, как там ее мама в Венеции.

Но Даня давно уже не думала.

– Я в музыкалку. Не злись.

Дед, кряхтя, попытался развернуться. Она знала – он не может и этого, только пугает.

– Хозяюшка-завала, ни хрена в доме нет! Вечно приносишь одни огрызки, дай хлеба нормального кусок... Толстый! Что у тебя, ножи не наточены, что ли? Так принеси – наточу! Только чтобы я больше этих корок мышинных здесь не видел!

Даня терпеливо смотрела в одну точку, стараясь не спорить. Дед больше года ничего не мог жевать, вставные челюсти лежали рядом с кроватью в стакане, но он ими принципиально не пользовался. Поэтому хлеб перед каждым кормлением Даня превращала в мякиш, похожий на тот, что дед когда-то крутил в мясорубке для приманивания рыб. Точить ножи дед тем более был не способен – руки плохо слушались. Поэтому раз в месяц Даня сама елозила лезвиями меж облезлых камней в красном пластиковом корпусе. Ножи магическим образом оставались тупыми.

– Буду в восемь, не теряй.

Дед тяжело дышал и смотрел на свою стену с фотографиями, что-то жевал пустыми губами – может быть, воображаемый хлеб. Выцветшие глаза его в последнее время все чаще были полны мутной воды – и потому Даня не смотрела в них, словно боялась заразиться от деда чем-то, о чем лучше не говорить.

2.

– Стой! Сто-о-ой, кому сказала! Люди, держите Лозницкую, вон она, в кофте адидасовской! Куда побежала, ща полицию вызову! Подписывай отказную! Людям детей негде гулять!

Даня поморщилась от «детей негде гулять», натянула капюшон и побежала к воротам их элитного комплекса «Новоград». Наташа торчала на своем обычном посту, на балконе легоподобной многоэтажки напротив, опасно налегая грудью на створку стеклопакета. Нарощенные, с модным окрашиванием «омбре», локоны соседки рвал ветер, на груди блестела надпись *California*. Наташа посасывала розовый пластиковый кубик, выдыхала наружу сладкий дым и ругательства. После того как позавчера у какого-то блогера-миллионника (то ли Сплэша, то ли Паши какого-то) вышел ролик про дедов голубой дом, жизнь Дани из просто тяжелой превратилась в почти невыносимую. Кто-то уже шел за ней уверенным шагом, обернулась – мужик с телефоном, снимает, ухмыляется.

– Все равно не убежишь.

Рыжие шлепанцы-биркенштоки, розовые ухоженные пальцы, зауженные летние шорты из бежевого хлопка, торс в белой футболке – кажется, этот мужик был членом ТСЖ и месяц назад на голом пеньке, оставшемся от спиленной яблони в центре двора «Новограда», собирал голоса за снос голубого дома. Остальные яблони уцелели только благодаря шаткому забору, который дед лет сорок тому назад сам и ставил.

– Лучше б ты так стрелка снимал в прошлом месяце. А то ни камер, ни свидетелей – все, как обычно.

– Не твоего ума дело, бомжиха.

– Я не бомжиха, это наша земля.

Член ТСЖ показал ей неприличный жест и продолжил снимать.

Даня развернулась и быстрым шагом пошла к остановке автобуса.

3.

Вернулась Даня только к началу девятого, когда совсем стемнело. Лил дождь, ветер рвал ветви яблонь в саду, с глухим стуком роняя в траву «бледный налив», как называл его обычно в шутку дед. Свет в окнах спальни не горел, Даня заметила это издали и, брызнув в рот ингалятором, побежала что было сил. Ночник стоял у деда под рукой, включить его не составляло труда, тем более, что Даня оставляла на тумбочке по паре новых книг каждый день – читал дед быстро, несмотря на болезнь.

Она тихо вошла в темную спальню, посмотрела на изголовье кровати, потом на тумбочку – книги лежали там же, где она их оставила днем.

Яблони стонали за окном, Шалфей глухо мяукал в углу, не подходя ближе, а Даня судорожно перебирала в голове цифры маминого итальянского номера.

Она медленно пошла на кухню и взяла со стола нож. Вытащила хлеб из шуршавшего пакета, сняла упаковку, долго пилила бок тупым лезвием. Дышать было тяжело, подняла мокрое лицо вверх на секунду – оно блеснуло в свете фонаря, который горел раскаленной сваркой на крыше строительного вагончика прямо за забором их участка.

С улицы вдруг оглушительно заорало: «Ели мясо мужики, пивом запива-а-али...»

Потом по привычному уже плейлисту – группа «Звери» – «Районы-кварталы».

Дальше – неопознанный метал.

Следом «Группа крови».

И почему-то – Надежда Кадышева.

С месяц назад какой-то строитель в болотного цвета футболке подогнал свой вагончик вплотную к их участку и, как по расписанию, начал слушать музыку на предельной громкости. В будни и выходные, с восьми тридцати вечера до пяти утра. После этих сеансов он обычно выкуривал сигарету, глядя в дедов сад, поглядывал на яблоки, но никогда не дотягивался до них из-за забора, потом тушил сигарету ботинком и уходил спать. Окурки он почему-то всегда уносил с собой. При встрече строитель вежливо кивал Дане, словно они были добрыми знакомыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.